

№ 76.

Одесса, Понедѣльникъ, 12-го Іюля 1904 года.

№ 76.

Вечерняя газета

Подписная цѣна:

на годъ въ Одессѣ и на города 4 р.
На 6 мѣсяцевъ 2 р.
На 3 мѣсяца 1 р.
На 1 мѣсяць 50 к.

Такса за объявленія:

съ мѣста занимаемаго строкой петита
На 1-ой страницѣ 20 к.
На 4-ой страницѣ 15 к.
Приложенія съ тысячи 10 р.

Отдѣльный №. продается по 3 коп.

Выходить ЕЖЕДНЕВНО, не исключая дней послѣпраздничныхъ.

Контора «Вечерней Газеты» — Дерибасовская, 19 — открыта отъ 8 ч. утра до 7 ч. веч.

Грустное это явление.
Но еще больше грустные мысли навѣяли на меня всѣ эти печальные чеховскіе дни.

Умеръ Чеховъ. Понятно, что о немъ заговорила вся печать. Немного въ Россіи Чеховыхъ, чтобы о немъ не говорили.

Но когда, кто и какъ стали тискать о немъ статейки?

Въ Россіи издаются сотни газетъ, сейчасъ-же появились сотни «прочувствованныхъ» некрологовъ, воспоминаній и статей. Посылались рыданія, плачъ и всхлипыванія. Сколько было пролито на бумагѣ чернильныхъ слезъ!

Не вѣрю я этимъ слезамъ. Читатель, я не вѣрю этимъ слезамъ.

Я знаю, какъ пишутся «прочувствованные» некрологи.

Получена телеграмма о смерти великаго человѣка, и у сотрудника сейчасъ-же является мысль:

— О немъ надо написать.

О немъ надо написать,—безразлично, кто бы „онъ“ ни былъ—художникъ, мыслитель, артистъ, писатель или военный герой.

И слезы для „него“ въ изобиліи заготовлены заранее,—чернильные слезы, бездушныя слезы, сливающіяся въ «прочувствованный» некрологъ.

Практика жизни превратила журналистовъ въ ремесленниковъ и журналисты научились, когда нужно, писать тепло и искренно. Это ихъ ремесло,—ремесло фигляровъ и плакальщиковъ, смотря на спросъ.

Послѣ смерти Чехова во всѣхъ русскихъ газетахъ и журналахъ появились некрологи. Все это продукты ремесленного творчества, и я ничего противъ нихъ не имѣю.

Но вслѣдъ за некрологами пошли воспоминанія, характеристики, душевные изліянія.—И потекли чернильныя слезы.

Сколько вздоховъ, восклицаній и рыданій! Сколько мучительныхъ строкъ и громкихъ фразъ! Плачутъ братья-писатели надъ свѣжей могилой. Слезы ихъ текутъ-текутъ, сливаются въ ручейки, потомъ въ рѣки, потомъ въ море...

Господи! зачѣмъ это? зачѣмъ эта ложь?...

Я поставлю открыто вопросы:

— Кто изъ журналистовъ проронилъ хоть одну настоящую слезу? кто съ дѣйствительной душевной болью сталъ въ отчаяніи ломать руки?

Братья писатели! дайте мнѣ честный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Кто изъ васъ отказался въ этотъ день отъ обѣда?...

Братья-писатели! мы изолгались, наша обязанность отзываться на злобы дня превратила насъ въ ремесленниковъ, поставляющихъ публикѣ товаръ.

И стали мы лгать изо дня въ день сами не замѣчая своей лжи, перестали различать въ своей жизни правду и ложь.

Но работа наша никому ничего не дастъ.

Нужно вѣрить въ то, что говоришь, для того, чтобы тебѣ повѣрили.

И нужно плакать искренними, настоящими слезами для того, чтобы вызывать слезы у другихъ.

Григорій Діпроевскій.

Въ наши дни.

Умеръ Чеховъ.

Вчера его хоронили въ Москвѣ.

За гробомъ шла многотысячная толпа. Дѣвушки, студенты, журналисты, писатели, артисты.

Можно было впередъ безошибочно сказать, что такъ будетъ. Такъ же хоронили и другихъ знаменитыхъ писателей.

Покойный писатель выразилъ желаніе, чтобы на его могилѣ не проносили рѣчей. И тутъ же, на могилѣ, было сказано объ этомъ родственниками писателя. Литературныя братья, сирѣчь сердце, должна была молчать.

Она должна была молчать, но молчала только до тѣхъ поръ, пока родственники Чехова не оставили кладбище.

А потомъ дали волю языку.